

ВЕЛИКИЕ АВАНТЮРЫ ЭПОХИ

ЕГОР
СЕННИКОВ

АВТОР ПОДКАСТА
«СИНИЙ БАРХАТ»

Книга профессионала

Егор Сенников

Великие авантюры эпохи

«Издательство АСТ»

2020

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Сенников Е.

Великие авантюры эпохи / Е. Сенников — «Издательство АСТ»,
2020 — (Книга профессионала)

ISBN 978-5-17-121782-2

«Синий бархат» – это подкаст журналиста и политолога Егора Сенникова, выходящий с 2018 года на радио «Глаголев. FM». Исторические анекдоты и небольшие детали прошлого, предательство и геройство, странности и чудачества – всем этим наполнены эпизоды подкаста. Теперь «Синий бархат» – ещё и книга. Шесть историй о людях, оказавшихся в пограничных ситуациях. Вместе с автором мы отправимся в сердце нацистской Германии и окажемся в мире поддельного искусства, пройдемся, вслед за шпионами и перебежчиками, по тайным тропам холодной войны и узнаем, может ли африканский диктатор добровольно отказаться от власти. «Синий бархат» – это путешествие на край неизведанного, туда, где мало кто бывал, а ещё меньше – кому удалось оттуда вернуться. Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-121782-2

© Сенников Е., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Предисловие	6
Sexton Blake is Fake, или Бунтарь и мастер подделок	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Егор Сенников

Великие авантюры эпохи

© Егор Сенников, текст

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

По Будапешту идет молодой мужчина. Мы почему-то догадываемся, что он русский и ждем, видимо, какой-то напрашивающейся драмы – криминальной, шпионской, политической. Мы не знаем главного секрета – в наших условиях ожидание драмы само делается драмой, и, недоумевая, ведь ничего не происходит, мы смотрим, как этот русский в Будапеште заходит купить кофе, выходит с ним на улицу, смотрит в смартфон, потом по сторонам.

Стоит уточнить, что его зовут Егор, ему здесь нет тридцати, и его Будапешт – одна из множества точек назначения самой, наверное, странной волны русской эмиграции в середине десятых. Газетная статистика отъездов, общее ощущение, что разъезжаются все, и лозунг про «русский мир», ставший уже совсем казенным и не позволяющий называть этим именем – русский мир, – ту новую географию разъехавшихся по планете молодых интеллигентов.

Они уезжали не «за чем-то» (как когда-то за колбасой), не «от чего-то» (как когда-то от войн и голода). Можно предположить, что это была рефлекторная реакция на внутрисоветскую неподвижность – давайте заменим очевидное «застой» на менее заезженный синоним, чтобы было ясно, в чем может быть дело: Россия десятых застыла, останавливалась, любые слова звучали все глуше, любые надежды становились все несерьезнее. Егор в Будапеште – ученый-политолог, и наука в тот момент выглядела как маршрут побега; будучи редактором его журналистских текстов до отъезда, я видел, как в них на смену ситуативным реакциям откуда-то приходит что-то совсем другое – тогда казалось, что инстинкт исследователя, понимающего вдруг, что пространство, якобы знакомое всем, не просто не изучено и не описано, но описано совсем не теми словами, которых оно заслуживает. Такой инстинкт есть у многих (не у всех), но почему-то приводит он чаще всего к иллюзиям, будь то собственное мессианство или следование чужому, но можно отступить – и, наверное, уход (а с учетом географии – и отъезд) Егора в науку был отступлением, но, может быть, и отступление иногда становится тем движением, без которого можно застыть навсегда?

И вот Егор идет по Будапешту – уже тому, новому, орбановскому, который вдруг делается так похож на застывающую Россию, и университет, – а мы понимаем, что такое университет в Европе, – вдруг, оставаясь университетом, делается таким же врагом государства, каким и в России в те годы оказывалось едва ли не любое просвещение. Привычные объяснения делаются такими же ничего не объясняющими, как в России, и почему-то хочется думать, что круг героев этой книги начал складываться именно тогда – когда растерянный молодой русский гуманитарий бродил про Будапешту середины десятых.

Среди этих людей нет никого, с кем он не смог бы найти общего языка. География, политический контекст, темпераменты – неважно; каждый из героев книги переживал то же, что он или, так будет точнее, мы в середине российских десятых. Большой автопортрет в системе бесконечных отражений, и если кто ждал драмы, то вот она, экзистенциальная: люди, чувствующие себя чужими в торжестве какого-то очередного окончательного миропорядка и отчаянно идущие против него. Авантюристы, шпионы, жулики, художники. Вряд ли бунтари в классическом виде, скорее эгоисты, понимающие, что отведенная им по умолчанию роль не соответствует их интересам, но кроме них самих смену роли им не организует никто.

Двадцатый век даже сейчас, на исходе первой четверти двадцать первого, кажется кульминацией человеческого развития, максимально возможным, наверное, в масштабах всей истории отступлением от Средневековья, и чем масштабнее были ужасы, выпавшие на судьбу человечества в том веке, тем ослепительнее была надежда, которая (и это сейчас кажется чудом) иногда даже сбывалась. Говорить об этом в категориях счастья или несчастья было бы неверно, да и не повернется язык называть героев книги счастливыми. Но, отделяясь от общего людского потока, каждый из них становился бенефициаром века – возможности, кото-

рые давала тогда людям история, оказались так и не открыты до конца. Одна из новелл посвящена Северной Корее, и пусть это будет рифма к нашему описанию – кимирсеновский лозунг «чучхе», в буквальном переводе «сам себе хозяин», мог бы быть личным девизом каждого из героев книги. Чем масштабнее история, тем драматичнее противостояние с ней тех, кто хочет остаться хозяином самому себе.

Сейчас, когда Егор – уже уважаемый московский киновед и редактор, можно свернуть в сторону хэппи-энда, но нет, биография продолжается, и мы пока можем оценить только эту, заведомо неполную траекторию – журналистика-наука-кино. Интеллигентский опыт внутренней эмиграции у нас еще более внушительнее, чем классическая эмигрантская традиция, но эмиграция всегда основана на поражении или разочаровании, а называть Егора Сенникова проигравшим или разочаровавшимся оснований нет никаких. Разгадка, видимо, тоже в этой книге. Самое бесспорное – любопытство; удивительно, но интерес к устройству мира сейчас – очень дефицитное человеческое качество, все, как правило, и так знают, что как устроена и какая чему цена, и на таком фоне человек, которому интересно, имеет как будто дополнительное зрение, делающее его сверхчеловеком. Кроме любопытства – любовь. К людям – да, само собой, но не к ним одним. Сенников любит мир и любит время; оказывается, человек двадцать первого века, лишенный ангажированности современника, видит и понимает несопоставимо больше, сохраняя это сверхчеловеческое восприятие и в своем времени, и пусть этот прогноз похож на самосбывающийся в том смысле, что Егор прочитает и подумает, что да, это идея, но интересно было бы прочитать вторую такую же книгу уже о людях нашего времени, тем более что оно в какой-то момент начало воспроизводить авантюристов и героев чуть ли не в тех же объемах, что и двадцатый век.

В Егоре Сенникове хочется видеть образцового автора нашего времени, человека, лишенного всех отвратительных свойств и российского, и общечеловеческого интеллектуала. Большого фокуса здесь нет, в беспартийность играть умеют все, но это ведь не беспартийность, это честность, исключаящая (а уж такое сейчас сплошь и рядом) политически правильный и бесспорный читательский вывод, когда вся предыдущая история человечества оказывается лишь подготовкой к торжеству современных нам ценностей. Полярно противоположным упреком могло быть отсутствие ценностей вообще, тем более что герои к чему-то такому и располагают, но тут стоит вернуться в Будапешт середины десятых и еще раз примерить книгу на ее автора – может быть, и обаяние книги с тем и связано, что точкой приложения сопереживания в ней становится автор, про которого можно догадаться, каких рисков избежал он, поворачивая на своих развилках; интеллектуалов, которые себя обесценили и уничтожили, в эти годы было, пожалуй, больше, чем когда-либо. Самой тоскливой развязкой было бы превращение Сенникова в стандартного западного политолога, объясняющего Россию Западу или ей самой в обратном переводе с английского. Тот русский век, которого когда-то было модно ждать, действительно начался, но начался как пародия на холодную войну, когда исходной точкой становятся самые одиозные стереотипы, а любые действия следуют уже за ними.

Но и если бы Егор Сенников боролся со стереотипами, развенчивал их – это была бы его неудача. Любое противостояние делает человека плоским и неинтересным, а сам он себя в какой-то момент начинает делить с теми, кому противостоит. Егор, изучая судьбы и их соприкосновение с историей, строит собственный мир, непредсказуемый и прекрасный хотя бы поэтому.

И развязка экзистенциальной драмы, оставляющая финал открытым – оказывается, что нет ничего интереснее и важнее, чем быть собой. Заезженный и, как правило, ничего не значащий рецепт у Егора Сенникова оказывается подробным, убедительным и действенным, одинаково работающим и с его героями, и с ним самим. Хитрость, идущая рука об руку с ошибкой, добро со злом, черное с белым, психологический рассказ с нон-фикшн-очерком, Москву с Будапештом, по которому идет молодой мужчина – мы почему-то догадываемся, что он рус-

ский, но больше про него ничего не знаем, да и сам он думает, что сбежал от нас в политическую науку, но герои его книги уже собираются вокруг него, и сейчас он нам про них все расскажет.

Олег Кашин

Sexton Blake is Fake, или Бунтарь и мастер подделок

«Ван Гог был связан со многими художниками своего времени, особенно с теми, которых он обожал», – говорит грузный пожилой мужчина, немного похожий на Санта-Клауса: белая борода, длинные белые волосы, округлая фигура. «Он любил использовать венецианскую технику в своих работах, сейчас я вам покажу, что именно он делал», – продолжает мужчина и начинает энергично водить кистью по холсту, закрашивая синей краской белые пространства на картине, на которой будут изображены цветы.

Сцена меняется. Тот же мужчина, в своей довольно большой студии, рисует карандашом портрет молодой девушки. «Ренуар, – говорит он, – увлёкся импрессионизмом вскоре после самого начального этапа своего художественного обучения». Мужчина говорит с непростым для понимания акцентом кокни: он рассказывает историю художника, одновременно рисует и объясняет особенности его техники. Когда картина закончена, он со смехом объясняет, что добиться такого можно только усердием, старанием и терпением, но в принципе в этом нет ничего невозможного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.